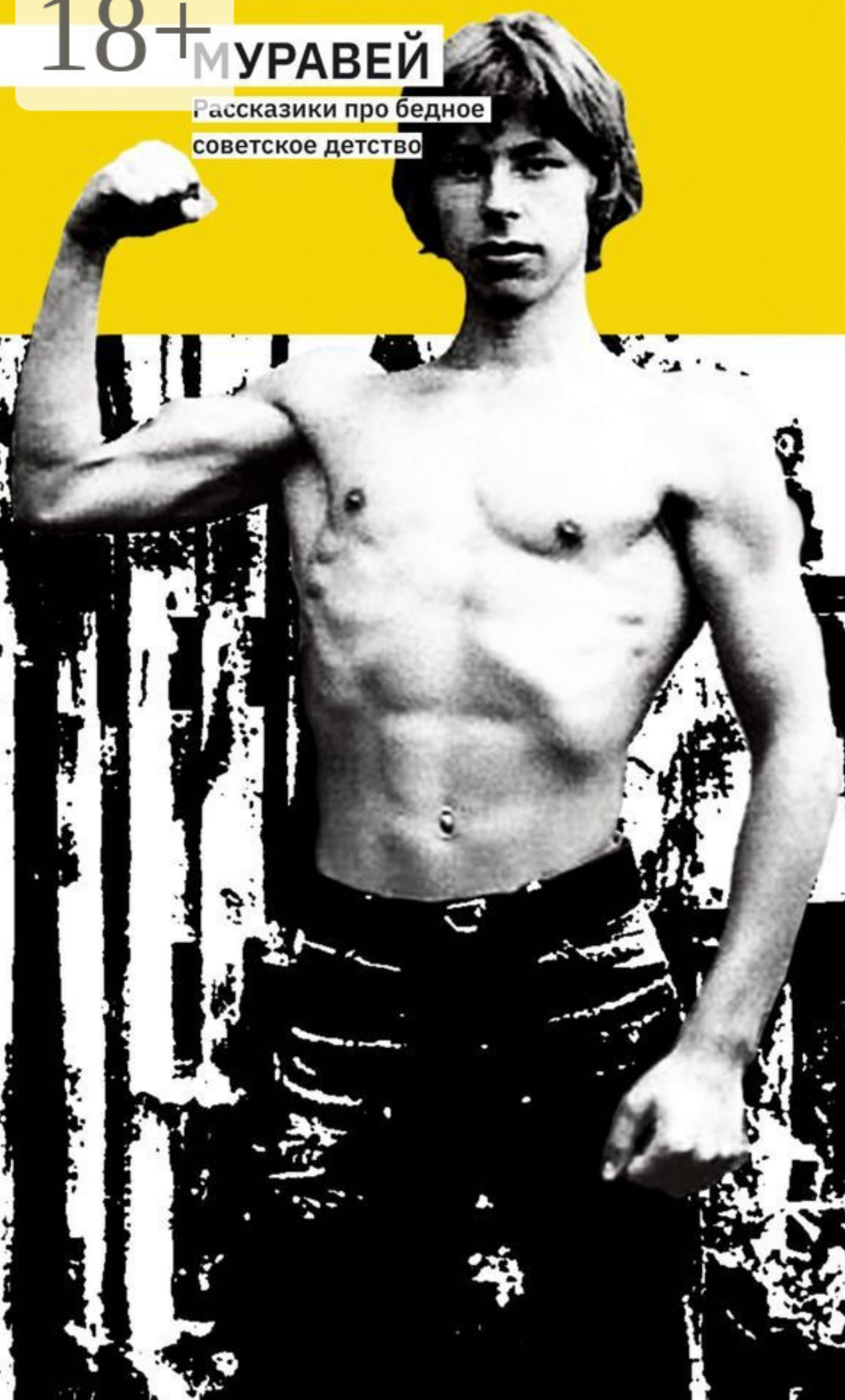

Констатин Цивилёв

18+ МУРАВЕЙ

Рассказики про бедное
советское детство

Константин Цивилев

**Муравей. Рассказики про
бедное советское детство**

«Издательские решения»

Цивилев К. Г.

Муравей. Рассказики про бедное советское детство /
К. Г. Цивилев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982511-7

Герой рассказиков — ребенок 70-х, начала 80-х годов. Вроде обычное советское детство, но где все равно находится место приключениям, может и не таким, как у Тома Сойера, но не менее увлекательным, а местами даже и смешным. Давно на наших литературных просторах не было заметно писателя уровня Н. Носова, когда простые ситуации описаны простыми словами. Персонажа книги тяготит унылая советская школа, а душа из детского тела рвется в жизнь взрослую.

ISBN 978-5-44-982511-7

© Цивилев К. Г.
© Издательские решения

Содержание

Отзывы	6
От автора	8
Воспитательница	10
Инженер	12
Муравей	15
Монета	18
Нюрка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Муравей

Рассказики про бедное советское детство

Константин Григорьевич Цивилев

Выпускающий редактор Денис Давыдов

Дизайнер обложки Анастасия Фокеева

Корректор Татьяна Исакова

Благодарности:

Автор выражает благодарность Денису Давыдову и издательству «Луноход» за помощь в издании книги.

© Константин Григорьевич Цивилев, 2020

© Анастасия Фокеева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-2511-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отзыв первого читателя

«Когда б вы знали, из какого сора растут» телеведущие, вы бы меньше нервничали, включая телевизор. Или вообще бы его не включали. Получив незаметный на вид, но судя по всему внушительный первый удар по своей психике (рассказ «Воспитательница»), автор продолжил по жизни коллекционировать ударчики судьбы, совершая по пути и легкие преступления. Вот совсем маленьким, он участвует в краже (рассказ «Колесо»), вот он доводит прохожих в Одиново вопросом, как ему проехать к театру Ла Скала? (рассказ «Ла Скала») А вот он мочится в осиное гнездо (рассказ «Осы»). У вас есть хоть один знакомый, который бы хоть раз в жизни так осмелел, что стал бы мочиться на ос? Кому придет это в голову? Даже в качестве шутки? Добавляет штрих к портрету героя и сшитая из старых папиных трусов шапочка (рассказ «Муравей»). Сквозь все рассказики сквозит упрямое желание не учиться. Ничему и никогда. И ненависть к советской школе и к педагогам (рассказы «Англичанка» и «Сигаретка») В рассказе «Шахматы» он ломает нос однокласснику и только чудом не оказывается за решеткой. А рассказ «Автомат» иллюстрирует, кто эти люди, которые развалили армию, страну и государство. Почитайте, почитайте... Получите удовольствие.

ОТЗЫВЫ

«Морковка» и другие детские рассказы для взрослых

Хулиганистый школьник, безбашенный малолетний дачник, охламон-пэтэушник, нерадивый солдат... Господи, да чего только ни простишь человеку, если он прекрасный рассказчик!

Детализация историй Константина Цивилева вызывает сопереживания такой силы, что оторваться от них просто невозможно – книжка читается залпом. Виной тому еще и добродушная интонация автора, который тут же становится твоим лучшим другом.

Одну половину рассказов можно смело считать доносами (в шею надо гнать таких педагогов!), вторую – явкой с повинной (в колонию надо отправлять таких школяров!). Разумеется, срок давности давно истек, так что речь идет всего лишь о литературных приемах.

В детстве всегда есть место для подвига, озорства, творческого озарения. Сорвал морковку на колхозном поле – и угодил в ментовской детектив. Прогулял пару занятий – и вот ты начинающий взяточдатель. Не почистил автомат – и чуть было не развязал Третью мировую войну...

Конечно, эти детские рассказы в первую очередь для взрослых. Надо уже иметь за спиной кое-какой жизненный опыт, чтобы оценить всю глубину и красоту этих откровений – трогательных, живых, невероятно веселых. Одно удовольствие такие читать. Второе – перечитывать.

Что же касается детей, то хорошо бы эту книжку для своего ребенка купить, запретить открывать и кое-как спрятать, и тогда в вашем доме одним благодарным читателем станет больше.

Нестор Бегемотов,
литератор

#

Нравоучений – ноль

Констатируя – для солидности зачина, что это, мол, уже четвертая книга автора, трудно удержаться и не перефразировать классическое от Кнышева: «Предыдущие три автор решил не писать». Но в том-то и дело, что написал! Причем именно те, которые не мог не написать, – например, о былом своем, телевизионном: дебютными были книги телебаек «ШОК» и «ШОК-2» («Шутки От Константина»), потом в серьезном издательстве вышел сказ, как служил Константин/КЦ Лежебокой на радио «Серебряный дождь».

И вот сегодня – сборник детских рассказов «Муравей». Только – сразу! – не нужно путать их с рассказами ДЛЯ детей (типа Лунтика). Это, скорее, тексты для подростков, которые смогут их прочитать *сами*. Взрослым они тоже способны понравиться. Дело в том, оглядываясь вспять, что у нас уже лет как 50—60 не было (ИМХО!) нормального писателя типа Н. Носова, который бы простыми словами и с юмором написал бы про детство... Господин Цивилев, похоже, это место готов бодро занять при жизни. И во многом уже получается. Рассказы в первом чтении могут показаться несколько «не в тренде», без модной ненормативной лексики (в отличие от предыдущих книг), но и в них внимательный читатель заметит, что в авторском тексте мата нет, но если подобные выражения произносит персонаж, его речь, конечно же, свободна от цензуры.

У лучших из книг Цивилева очень предсказуемая – в идеале – судьба: попав в читательские руки, они вскоре оказываются у пользователя в туалете (что нормально). Потом, когда

сам читатель книгу уже использовал по первому назначению, но из туалета не убрал, появляются гости. Посещая туалет, читают. Выходя из, говорят «невзначайным» голосом: «Забавная у тебя там книжонка... Я возьму почитать?» Хозяин, как правило, машет: «Да бери...» Книга покидает дом, и больше собственник книги ее никогда не видит. Ее заигрывают. Если читатель знаком с автором, он начинает звонить и писать в ФБуксе: «У меня твою книжку заиграли... У тебя больше нет?» Увы, нет.

У зрелого Цивилева легкое ироничное перо, в сочинениях его 0 нравочений, тем больше смысла и полезных смыслов.

Так что пусть будут новые книги и продвинутые ими читатели...

Владимир Вишневецкий,
поэт

#

Добро пожаловать в мир советского детства!

Наблюдения, впечатления, открытия и разочарования московского мальчишки в те давние времена, когда жевательная резинка была недоступной роскошью, небо синим, трава зеленой, а вода как-то особенно мокрой. Константин Цивилев – мой любимый рассказчик, остроумный и внимательный к деталям. Каждая история жива и объемна, и что самое приятное, наталкивает на свои собственные переживания. В итоге получается своеобразное интерактивное путешествие во времени, собранное из лоскутков воспоминаний автора и читателя.

Дюк Митягов,
сценарист

#

От автора

#

#

В программе «Времечко» работала корреспондентом молодая девушка Галя. Там же работал режиссером монтажа ее муж Андрей. Коллектив тех времен был для телевидения достаточно дружный. Мы не только всю неделю виделись друг с другом, но ухитрялись еще общаться и в выходные, и в праздники... Ездили зимой на шашлыки, встречались на даче... И вот вышла у меня первая книжка «ШОК» («Шутки От Константина»). Подарил я ее кому мог, подписал... И вот спустя двадцать лет эта уже выросшая девочка Галя пишет мне в ФБук: «Никогда не прошу тебе, что ты подписал свою книжку не мне, а Андрею! При разводе мы стали делить имущество, и он оставил ее себе...» Я отвечаю: «Галя! Кто в XXI веке книжки при разводе делит? И потом, откуда я тогда мог знать, что вы разведетесь?» «Все равно мог бы мне подписать...» Я спрашиваю: «Можно я буду всем рассказывать, что мои книжки делят при разводе, как ценное имущество?» «Рассказывай».

Я это к чему. Если вы обзавелись уже мужем или женой, то купите себе на всякий случай сразу две книжки. Чем черт не шутит. Я вам обе и подпишу.

Константин Цивилев

Воспитательница

#

Любой человек (независимо от возраста), может оказаться в каком-то новом для него месте в первый раз. В конце 60-х район Речного вокзала, куда мы переехали из Сокольников, был еще достаточно пустынным, далеким и, что называется, спальным. Рядом с новым домом садик был построен, но еще не открыт. И меня определили в детсад далеко от дома, на Левобережной улице. От нашего дома пешком не дойти, ездили на автобусе. Садик и поныне там. До этого я был совсем уж маленький, но в 3 года меня решили туда отдать. Мне не понравилось. Но поделаться я ничего не мог. К моему мнению никто не прислушивался, и я оказался в группе малышей. Воспитательница (совсем не помню, как ее зовут). Помню только, что была она крупная, с блондинистыми волосами и прической того времени «Бабетта идет на войну».

Нас ознакомили с правилами, и потекли наши безрадостные дни, какие только могут быть у маленьких детей, которых против их воли ежеутренне туда приводили.

Униформа того времени была такая: независимо от того, мальчик ты или девочка, все носили колготки, простые хлопковые. Дальше у мальчиков шли шорты, у девочек юбки или платья. И вот сидим мы на стульях, воспитательница нам вслух книжку какую-то читает. И я машинально засовываю руку свою сбоку в свои же шорты и уютно там ее держу. Ничего такого в этом не было, может, чем-то напоминало, как пародийно засовывали люди за жилетку пару пальцев, изображая вождя. Я же просовывал руку сбоку внутрь шортиков и клал ладошку на свои причиндалы. Это как бы не бросалось в глаза, и в то же время я, как мушкетер, держал руку на эфесе своей шпаги. Воспитательница оторвала взгляд от чтения:

– Ты хочешь в туалет?

– Нет, – ответил я, – не хочу.

– Тогда почему ты держишь там руку?

– Не знаю. Просто так.

– У тебя там чешется?

– Нет. Ничего не чешется. Все нормально.

– Вынь руку.

Я вынул.

Через несколько дней похожее повторилось.

– Я вижу, ты не понимаешь, что я тебе говорю. Там нельзя держать руку. Вынь.

Я опять вынул.

Потом воспитательница стала за мной наблюдать более пристально. Во время дневного сна она требовала, чтобы я держал руки поверх одеяла. Во время игр в группе она также следила за моими руками. Я иногда забывался и засовывал руки не туда.

В один прекрасный день терпение воспитательницы лопнуло. Она подошла ко мне и со всей возможной суровостью изрекла:

– Вот если я еще раз увижу, что ты сунул туда руку, я отведу тебя в кабинет, возьму ножницы и отрежу тебе то, что ты так настойчиво теребишь.

– Я не тереблю. Просто забываю... и рука случайно...

– Ты меня понял?

– Понял.

– Вот еще один раз! И все! Я тебе его отрежу! Больше говорить не буду!

Я, конечно, испугался. Стал следить за руками. Какое-то время это удавалось. Но, как бывает у детей, когда-то я прокололся. Забыл, задумался, заигрался... Короче, рука оказалась в шортах. Зоркая воспитательница заметила мой промах, подошла и объявила:

– Все! Я тебя предупреждала! Пошли!

– Нет, – забормотал я, – не надо! Я больше не буду... Я все вспомнил...
– Поздно, – сказала воспитательница, – идем! Раньше надо было вспоминать.
Я пребывал в каком-то оцепенении.

Она вывела меня из группы, и мы пошли по какому-то длинному коридору. Я что-то скулил типа «я больше не буду, не надо...»

– Конечно, больше не будешь, – зло говорила она, – сейчас я тебе его отрежу... и все!
Больше не будешь.

Мы зашли в какой-то кабинет с задернутыми шторами. На письменном столе стоял стакан с канцелярскими принадлежностями. Среди ручек-карандашей зловеще возвышались ножницы с черными кольцами для пальцев. Воспитательница вытащила их, пару раз пощелкала и говорит:

– Вставай сюда... Снимай штаны. Сейчас я тебе его отрежу!

Почему-то я не мог плакать. У меня все как пересохло. Я мог только отчаянно бормотать в стиле «тетенька, не надо».

– Давай-давай! Снимай, я тебе говорю!

– Нет! Я больше не буду! Не надо!

Она задумчиво посмотрела на меня и сказала:

– Ладно. Пошли.

Отвела обратно в группу.

Тогда я никому про этот воспитательный жест не рассказал. А вскоре открылся садик рядом с домом и меня перевели туда. Чему я был рад. Что хотя бы не нужно на автобусе ездить. В новом садике за моими руками уже никто так не следил, и где я их там держал, не помню. Наверное, подобный ужас могли в своей жизни испытать спасенные из концлагеря дети. Во всяком случае, ничего страшнее в своем детстве я не помню. Хотя казалось бы... Пощелкали ножницами перед носом... Фигня вопрос...

Инженер

#

Не помню, при каких обстоятельствах услышал я как-то слово «инженер». В каком-то взрослом разговоре. На даче. Было мне года четыре. Слово казалось энергичным и очень загадочным. Я ходил и с удовольствием повторял его: «инженер, инженер». До этого была короткая история, как я узнал звучание слова «ептвою мать». Мне понравилось, и, желая получше запомнить, я так же повторял его сам себе вполголоса. Помню, мы как раз взяли такси, чтобы доехать из Химок на Речной вокзал (недалеко). Мы были втроем: я, мама и папа. Своей машины у нас не было, и я очень любил, когда меня возили в гости или усталого из «Детского мира» на такси. И вот сели мы в эту «Волгу», водитель включил счетчик, и мы поехали. Папа сидел впереди рядом с таксистом, мы с мамой на заднем сиденье. Первое, что я сказал, когда такси тронулось: «Ептвою мать!» Мне казалось, что это все шепотом и никто особо и не услышит. Когда такси вырулило на Ленинградку, я опять прошептал: «Ептвою мать!» Когда машина переезжала через большой новый мост через канал, который, как я позже узнал, копали заключенные, мои бормотания были услышаны. Папа спросил:

- Ты чего там говоришь все время?
- Слово новое узнал...
- Что еще за слово?
- «Ептвою мать».
- Прекрати это повторять, – сказала мама.

Я кивнул. Потом (позднее) представлял себе, что про меня мог подумать таксист: «Наверное, дикий ребенок удивлен, что его катают на такси, и, сам не веря своему счастью, бормочет эти слова...»

Но это так, лирическое отвлечение...

Уже вечером, когда нас с двоюродной сестрой Ирккой (она старше на 2 года) укладывали спать, я прыгал на своей кровати и в прыжке повторял:

– Ин-же-нер!.. Ин-же-нер!.. Ин-же-нер!

После чего обратился к сестре:

- Ир! а ты знаешь, что такое инженер?
- Естественно, знаю, – ответила Ирка, – это такая профессия.
- А что он делает, этот инженер, ну когда на работу ходит?
- Инженер-то? Да, господи... гвозди в стену заколачивает...
- Что? Прямо весь день заколачивает?
- Ага...
- А зачем?
- Работа такая...

Я представил себе этого инженера, как он утром приходит на работу (как я в детский сад), надевает халат, и перед ним такая длинная-длинная стена, он берет молоток, гвозди и начинает их туда заколачивать. И конца и края этой работе не видно...

Через несколько дней пошли мы на пруд купаться. Почему-то тогда мне очень хотелось подольше посидеть в воде, но мама моих пристрастий не разделяла:

- У тебя уже губы синие. Хватит... Погрейся на солнышке...
- Я не хочу греться, – хныкал я, – мне купаться хочется... И губы у меня не синие...
- Я тебе сказала... 15 минут будешь на берегу, – ответила мама и продолжила загорать.

От нечего делать я стал бродить от одной подстилки до другой и, скучая, разглядывать людей. Мое внимание привлек бородатый мужчина в шапочке с пластиковым козырьком и в пляжных очках. Он сидел на своем полотенце и маленьким острым ножичком вырезал

из красноватого дерева прелестную вазочку. Я залюбовался его работой. Мужчина посмотрел на меня и, улыбнувшись, спросил:

– Нравится?

– Да, – ответил я, – а вы, наверное, художником работаете?

– Нет. Это мое хобби. Знаешь, что это?

– Нет...

– Это мое увлечение помимо работы...

– А кем же вы работаете?

– Я-то? Инженером... Знаешь, кто такой инженер?

Я широко раскрытыми глазами смотрел на дядю и думал: «Вот он! Настоящий инженер! Даже не думал, что здесь его встречу... На нашем пруду...»

– Конечно знаю, – гордо ответил я. – Инженер целый день в стену гвозди забивает...

Мужчина откинул голову и начал смеяться.

– Гвозди! В стену! Целый день! Это кто же тебе сказал?

– Ирка. Моя сестра. Она на два года старше и все знает.

– Ну, брат, это она загнула, твоя Ирка... Надо же такое придумать...

– А что же вы на работе делаете?

– Ну, как тебе объяснить... Проекты разные разрабатываем...

– Жаль...

– Почему?

– Ну как, так я уже знал, что делает на работе инженер – гвозди в стену забивает, а теперь я даже и не знаю, чего себе представлять... Проекты... Лучше бы вы, дядя, гвозди в стену забивали. И то больше толку бы было...

Муравей

#

Лично я детей не люблю. Это и не хорошо, и не плохо. Это не значит, что я детей стараюсь при случае как-то обидеть. Нет. Я к ним отношусь нейтрально. Как ко взрослым. Взрослых я, кстати, тоже не люблю. Но это не значит, что кого-то из взрослых я стараюсь обидеть. Нет. Я к ним отношусь тоже нейтрально. Как и к детям. Однако, ни тех, ни других – не люблю.

Совсем не так люди относятся ко мне. Во всяком случае в детстве меня любили. Непонятно за что, но любили.

Помню, прихожу я как-то домой (классе, наверное, во втором) и говорю родителям:

– Скоро Новый год! У нас в школе будет елка.

– Хорошо, – говорят мне родители, – сходишь... Повеселишься...

– Все дети придут в карнавальных костюмах... Неплохо бы и мне какой-нибудь...

– Да, – говорит мама, – костюм тебе обязательно нужен... Карнавальный... А то что ж, все дети придут в костюмах... Только сейчас у нас денег нет. На какой-то там слишком нарядный костюм... Но это ничего. Папа тебе сделает сам...

– А папа умеет? – недоверчиво спросил я. Потому что видеть до этого, как папа изготавливал новогодний костюм, мне не приходилось.

– Папа-то? Да наш папа знаешь какой талантливый? Да наш папа все что угодно может сделать... Он в школе всегда самый модный и красивый был. Сам себе джинсы из брезента шил! И на гитаре в компаниях лучше всех играл! И на баяне... Да ты что, сынок! Конечно, папа сделает себе такой костюм, что все просто глаз не оторвут. Только на тебя смотреть и будут...

– Тогда нужно уже сейчас начинать... А то времени-то мало...

– Да времени еще навалом, – возразил папа. – Тем более, что мама правильно говорит: новогодний костюм для меня плевое дело... Я помню, себе в десятом классе куртку замшевую с бахромой сшил. Как у настоящего ковбоя... Тогда такой ни у кого не было... А ты говоришь – костюм новогодний... Успеем...

Прошло несколько дней. Однако к производству новогоднего одеяния папа все не приступал. Я пытался намекнуть, что неплохо бы уже задуматься и над эскизом...

– Ничего, – говорил папа, – не волнуйся, котенок (он меня так, кажется, до сих пор называет), сделаю тебе костюм... Не хуже покупного будет...

– Может, мушкетера? – спрашивал я. – Или пирата? Из этих зайцев я же ведь вырос. Да, лучше мушкетера... У мушкетера и шляпа красивая... А перо? Ты сможешь перо мне сделать? А плащ? У мушкетеров классные плащи... А где бы мне сапоги мушкетерские раздобыть? В резиновых как-то не то... И шпагу!..

Папа улыбался, трепал меня по голове и ласково смотрел на маму.

– Раз папа сказал тебе, то сделает, – улыбаясь, говорила мама. – Папа у нас знаешь какой... Да за ним вся школа бегала... «Гриша, шей джинсы, Гриша, поиграй на гитаре, Гриша, поехали с нами на дачу!..»

...Потом неожиданно, как это обычно и случается, наступил день школьной новогодней елки. Это было серое декабрьское утро... За окном шел мелкий грустный снежок, в соседних домах даже в 10 утра горел свет. Занятий в этот день уже не было. Все, что требовалось от учеников, это часам к 12-ти прийти в школу на елку... Повеселиться, получить подарки и с чистой совестью отправиться на двухнедельные каникулы...

Новогоднего костюма у меня еще не было.

Видимо, поняв, что отступать уже некуда, папа принялся за работу...

– Костюм мушкетера мы с тобой сшить уже не успеем, как ты понимаешь, – сказал папа, – но кое-что сейчас придумаем...

– Что это «кое-что»? Кем я буду?

– Ты басню Крылова «Стрекоза и муравей» в школе проходил?

– Проходил...

– Ну вот! Чем тебе муравей как персонаж не нравится? Отличный парень, трудолюбивый... Все делает загодя... В общем, нарядим тебя муравьем... Из этой басни... А что, по моему, хороший образ...

Я вяло согласился, а папа, переполненный энергией, взялся за дело.

Перво-наперво решили, что муравей сам по себе персонаж неприметный, но трудолюбивый. А значит, ничего яркого (он же не стрекоза какая-нибудь, финтифлюшка). Поэтому главное в моем новогоднем костюме будет скромность. Для этой всепоглощающей цели был найден черный тренировочный хлопчатобумажный костюм (за четыре рубля), который я носил летом на даче. Костюм сильно выгорел и был застиран, но папа сказал, что так даже лучше, ведь я – в образе муравья-труженика, который все лето работал не покладая лап... Коленки на штанах были сильно оттянуты... Примерив на меня это нехитрое изделие, папа остался доволен...

– Хорошо, что ты худенький... А то толстый муравей – это как-то не звучит... Так, теперь нужно решить проблему с головным убором...

– Ты хочешь нарисовать на бумаге маску муравья и надеть на резинке мне на голову? – спросил я...

– Нет, это было бы слишком просто, – ответил вошедший в азарт папа...

Так как второго комплекта выгоревшего хлопчатобумажного костюма уже не было, папа решил использовать для головного убора свои старые (постиранные) черные трусы. Которые тоже давно выгорели. Сев за швейную машинку «Зингер», папа лихо сшил мне шапочку (наподобие купальной). На резинке. Резинка придавала шапочке нужную окружность, обтягивая мне лоб, щеки и затылок. Затем папа сбегал на кухню, открыл две бутылки кефира, правда, пить их не стал, а взял лишь крышки из фольги. Выгнув их полусферой, папа прорезал в каждой крышке дырку величиной с двухкопеечную монету и присобачил эти крышки нитками к шапочке. Получилось нечто вроде глаз. Потом из какой-то медной проволоки папа быстро скрутил два уса и приладил к той же шапочке.

Надев эту конструкцию мне на голову, папа позвал маму.

– Ну, посмотри! Как тебе? По-моему – здорово...

Мама достала из стенового шкафа мои полукеды (тоже выгоревшие – я же носил их летом на даче) и сказала:

– Вот, переоденешь в школе...

Заполучив таким образом в кратчайшие сроки новогодний костюм, я пошел на утренник.

В фойе было как-то по-особому празднично. Возле раздевалки пришедшие с мамами или бабушками девочки переодевались в нарядные белые платьица. Их пахнувшие холодом шубки лежали на банкетках. Мальчики тоже выглядели неплохо... Были сказочные принцы, разбойники, рыцари, мушкетеры и даже гномы...

Пахло елкой, подарками и духами...

Я стянул свою куртку, снял сапоги, надел кеды... Подошел к зеркалу... В застиранном тренировочном костюме выглядел я не очень...

Проходивший мимо мальчик в плаще и цилиндре «под Пушкина» спросил:

– Привет!.. А ты чего не нарядился?

– Я нарядился, – ответил я.

– И кем?

– Я?.. Я – муравей... Из басни... Из басни Крылова...

Надевать на голову шапочку из бывших папиных трусов мне почему-то не хотелось...

Монета

#

Эта медная монета долгое время хранилась у моего дедушки. В жестяной коробке из-под конфет. Среди других занятых вещичек. Когда я был совсем маленький, дедушка еще не был пенсионером. Он работал. И я всякий раз с нетерпением ждал возвращения дедушки: во-первых, чтобы с ним поиграть, а во-вторых, чтобы дедушка дал мне покопаться в его коробочке. Обычно после ужина дедушка брал меня на руки, подносил к своему шкафу, открывал дверцу и говорил:

– Ну, что будем смотреть сегодня?

– Покажи медали, – просил я.

– Нет, медали я тебе недавно доставал... Потом мне их опять после твоих игр раскладывать по коробочкам... Нет, лучше что-нибудь еще...

– Ну, тогда вот эту коробочку дай...

Дедушке, видимо, того и надо было. Снять с полки коробочку из-под конфет делом было не хлопотным.

В коробочке было много всякой всячины. Например, мундштук (дедушка к тому времени уже бросил курить), какие-то редкие значки, лезвия в упаковке «Спутник», 1957, кажется, года, серебряные полтинники и рубли первых лет советской власти и еще что-то ужасно интересное для маленького ребенка.

И лежала там эта монета. Медная. Размером с советские пять копеек. Скорее, это даже была не монета, а медальон. Правда, ушко было отломано и повесить ее уже было нельзя. Так что для меня она выглядела как монета. На лицевой стороне была изображена женщина в русском платье и в кокошнике, стоящая во весь рост и держащая в руках разорванные цепи, а с другой стороны были стихи. Несколько строчек. Их все знают, эти стихи. Заканчивались они так:

«И на обломках самовластья

Напишут наши имена...»

– Откуда эта монета? – спрашивал я.

– Из Сибири, – отвечал дедушка, – ее декабристы сделали.

– Какие декабристы?

– Дворяне. Их царь в Сибирь сослал. Они еще до Ленина мечтали свергнуть самодержавие.

Я с особым почтением разглядывал монету, переворачивал, читал по слогам стихи...

– Можно я возьму ее поиграть?

– Играй.

– Нет, в свою комнату... В детский садик... Ребятам покажу...

– Нет.

– Ну почему?

– Ты можешь ее потерять.

– Ну как я ее потеряю, если вот же она – в моей руке?

– Нет. Ты потеряешь. Играй здесь. При мне.

Я возвращал монету и переключался на другие предметы и игры.

Через несколько лет, когда я был уже школьником, я все-таки выпросил у дедушки в числе прочих занятых вещичек и эту монету.

– Ладно, пусть лежит у тебя, – согласился дедушка.

На какое-то время я стал обладателем этой монеты. Я мог брать ее с собой куда угодно, показывать ребятам, хвалиться перед девчонками.

Потом наступило лето, и я, как обычно, уехал на дачу. На даче я в основном был с бабушкой и сестрой. У дедушки был тяжелый характер, и он приезжал на дачу изредка. Прожив несколько дней и сделав всем (включая соседских детей и их родителей) замечания, ругался и уезжал. Потом приезжал опять. И все повторялось.

Мой летний друг Сережа как-то сообщил мне (почти каждую новость он начинал излагать, обращаясь ко мне по имени, заговорщицким тоном и растягивая буквы):

– Ко-о-о-отька! А я знаешь, что теперь делаю?

– Что?

– Я монеты старинные стал собирать. Знаешь, как интересно!

– И много уже насобирал?

– Да уж несколько штук. Мне дядя Коля из Ленинграда привез...

Каждое лето Серега увлекался новым делом. Сначала он собирал гильзы и патроны (и я вслед за ним). Потом Серега вдруг увлекся резьбой по дереву (и я за ним). Потом Серега начал питать интерес к изготовлению самострелов (и я, естественно, тоже). Потом Серегу посетила мысль, что раз недалеко от нашей деревни есть замок, в котором когда-то жила настоящая графиня (а сейчас совхозный клуб), то, значит, должен быть где-то зарыт и клад. Очень хотелось его найти, но мы не знали, с чего начать. Никакой карты и плана не было. Но, видимо, Сереге так сильно хотелось что-либо поиметь от соседства с замком, что однажды он сказал мне:

– Знаешь, Котька, что я подумал? Ты двери в замке помнишь?

– Ну помню.

– Они же старинные, эти двери.

– Ну, наверное...

– Да точно тебе говорю... Старинные... Ты где-нибудь сегодня такие двери видел?

– Нет.

– Ну вот, то-то... Я и говорю...

– Ты собираешься снять с замка двери?

– Спятил, что ли? Как я их сниму? Они же тяжелые... Я о другом... Помнишь, там от петель такие скобы идут?

– Ну, помню. И что?

– Так они же тоже – СТАРИННЫЕ! Эти скобы! Как думаешь?

– Думаю, да.

– А что, если нам эти скобы снять?

– А зачем?

– Ты что, не понимаешь? Если мы со старинных дверей снимем старинные скобы, то у нас с тобой будут НАСТОЯЩИЕ СТАРИННЫЕ вещи!

– Как же мы их снимем? Ведь у замка всегда полно народа!

– Ночью, Котька, ночью...

– Что – ночью переться в замок?

– А ты что, сдрейфил?

– Да нет... Так...

– В общем, ты идешь? Или я тогда найду кого-то другого?

– Ну давай...

Дома мы сказали, что собираемся с Серегой ночью идти на пруд. На рыбалку. Многие мальчишки ходили ночью на рыбалку, и никаких подозрений это не вызвало. Сами же, прихватив нож и отвертку, отправились в замок. На велосипедах. Два километра преодолели относительно быстро. Было под горку. И было темно.

Над входом в замок одиноко светила лампочка. Решили, что стоять под этой лампочкой и ковырять дверь как-то неудобно.

– Знаешь, что, – сказал Серега, – с центральных дверей, пожалуй, не будем. Давай – вот с той, боковой, нам же без разницы... Она тоже старинная...

Подошли к боковой двери. Старинная. Скобы – на месте. Серега достал отвертку. Попытался открутить шуруп. Шуруп давно приржавел. И к тому же был еще и покрашен. И, судя по всему, не один раз. Вместе со скобами и дверью. Провозившись минут десять, мы поняли, что скобы, видимо, навсегда останутся на этих дверях. И никаких НАСТОЯЩИХ СТАРИННЫХ вещей нам заиметь не удастся.

С тем мы и отправились спать...

...И вот теперь Серега сообщил мне, что он собирает старинные монеты.

– А у меня тоже есть, – сказал я.

– Покажи!

– Не здесь. Дома. В Москве.

– Привези.

– Ладно.

Вскоре подвернулся случай, я съездил в Москву и привез эту монету.

Монета Сереге понравилась.

– Сменяй ее мне, – предложил он.

– Не могу.

– Да на фига она тебе? Ты же не собираешь старинных монет?

– Нет.

– Ну вот и сменяй.

– Нет.

– Кстати, знаешь, дядя Коля в Польшу ездил.

– И чего?

– Подарки мне привез. Хочешь, зайдем? Покажу.

– Хочу.

Пошли на дачу к Сереге.

Дачу они снимали на несколько семей. Серега жил там со своими двоюродными братом и сестрой. В тот момент дома были Сережины бабушка и дедушка (полковник МВД в отставке).

Серега сходил в дом и вынес на улицу свои сокровища. Без кавычек, потому что в те застойные годы любые импортные вещи приравнивались к сокровищам.

Дядя Коля оказался человеком щедрым. Он привез Сереге иностранный маленький (с пальчиковой батареей) фонарик, жвачку, какие-то яркие душистые конфеты и полиэтиленовый пакет с женским задом, на котором было написано Lee.

Я, как туземец на стеклянные бусы, смотрел на это великолепие.

– Классный, между прочим, фонарик, – сказал Серега. – Осенью вернусь в Москву, мы там с ребятами по подвалам лазаем... Пригодится...

Я тоже в Москве любил лазить по подвалам. Но такого фонарика у меня не было.

– Тут, видишь, можно, чтобы свет рассеянный, а можно так – лучом... – продолжал Серега.

Мне захотелось иметь фонарик. И именно этот. А не тот, который продавался в магазине «Свет» и стоил 2 рубля 50 копеек.

– Поменяй мне его на что-нибудь, – сказал я.

– Ты что! Нет. Это же заграничный. У нас такие не продают... Впрочем, если хочешь, то... За монету.

– За монету?

– Ну да... Я же собираю... А тебе зачем одна?..

Услышав наш торг, сидевший за столом в саду Сережин дедушка (полковник МВД в отставке) спросил:

– А что за монета?

Я дал ему посмотреть. Он посмотрел и молча вернул мне ее.

– Ну так что? – спросил Серега.

– Ну ладно, давай, – согласился я.

Серега засуетился.

– Это ты, Котька, правильно решил... На что тебе одна монета... А фонарик – он для любого дела пригодится... Вот даже на даче... Летом. Захочешь ночью куда-нибудь пойти, и есть свой фонарик... Знаешь, я даже что? Я тебе еще к фонарику дам пачку жвачки и вот этот пакет... Сейчас такие пакеты – самый писк!

Мы поменялись. Я получил фонарик, пачку жвачки и полиэтиленовый пакет с женским задом в джинсах и надписью Lee.

А за это отдал медаль. Со стихами:

«...Россия вспрянет ото сна...»

Наблюдавший за нашим обменом Серезин дедушка (полковник МВД в отставке) ничего не сказал.

Он же ведь был не мой дедушка.

Нюрка

#

Жила в деревне, где мы на лето снимали кусочек дома, девочка-даун. Она была местная. Звали ее Нюрка. Так ли звали ее «по паспорту» – хрен его знает. Но ее так все называли. Была она года на 2—3 старше основной массы детей, с которыми я общался-дружил-играл. Семья Нюрки проживала в самом конце деревни, почти у леса. Мы тогда еще обитали в середине деревни, где в основном и тусовались. Там около забора дома одной девки лежало распиленное вдоль толстое бревно, которое служило нам лавкой, где мы ежедневно (а подростки и ежевечерне) отирались, доводя своим смехом и разговорами некоторых родственников этой девки, которые имели привычку пораньше лечь спать.

Нюрка же коротала свою жизнь, сидя на лавочке в конце деревни у леса. Чаще в одиночестве, иногда с какими-то старухами, возможно, ее родственниками. Дети с ней не общались, на велосипедах не катались, купаться не звали... И даже больше – боялись ее внешнего вида. Очень уж непривычным взглядом провожала она проходящих мимо. Я ни разу не видел, чтобы кто-то остановился, подошел к ее лавочке и заговорил с ней. Одевалась она в растянутую выгоревшую до серого цвета футболку (треники), в треники-штаны и такую же застиранную юбку поверх этих штанов. Если было жарко, на голове ее была грязная (некогда белая) кепка «Речфлот» с прозрачным, но треснутым козырьком зеленоватого цвета.

И вот как-то в погожий летний денек наша семейка пошла за грибами. Бабушка, мама и моя 3-летняя сестра, сидящая в коляске. Мама, толкая коляску, шла чуть впереди, а мы с бабушкой за ними. У меня была небольшая корзинка.

Уже почти подходя к лесу, я чуть приотстал от нашей процессии и смотрел на Нюрку. Нюрка своим специфическим взглядом смотрела на меня. И я, за каким-то чертом, стал крутить пальцем у виска, показывая, что она чокнутая. Нюрка, не меняя выражения лица, смотрела на меня. Но тут мама обернулась и увидела, что я делаю. Она меня отшлепала и сильно отругала. Обычно родители меня не били. Да и ругали редко. Руки в отношении меня (ремень) распускал мой дед, бывший НКВДшник, но это было его методом воспитания, но никак не мамы и папы... (Один раз, помню, мама с ним поругалась, после его воспитательного выпада в мой адрес). Так вот, мама меня ругала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.